

А. Ф. Некрылова

ГЕНЕЗИС ОДНОЙ ИЗ СЦЕН «ПЕТРУШКИ»

Проблема возникновения в России народного кукольного театра «Петрушка» занимала многих ученых. Одни из них считали, что этот театр появился у нас непосредственно из Италии, другие доказывали, что он занесен немецкими бродячими кукольниками, третьи усматривали его истоки в народных кукольных театрах Востока. Говорили также о влиянии английского, чешского и других кукольных театров. Спорили о времени возникновения в России этого вида народного искусства.

Однако при всем различии мнений многие ученые поддерживают положение о нерусском происхождении театра «Петрушки».

В данной статье автор, не высказывая еще одну точку зрения о путях проникновения комедии в Россию, на примере анализа одной из сцен «Петрушки» попытался ответить на вопрос о том, почему театр этот чрезвычайно быстро «обрусел», стал популярным, быстро распространился по всей стране от Архангельска до Майкопа и от Петербурга до Сахалина, а герой ее встал в ряд самых любимых народных героев. Ведь, по свидетельствам современников, без «Петрушки» не обходилась ни одна ярмарка. Кстати, такая широкая известность привела к парадоксальному явлению: у нас почти не сохранилось записей представлений этого театра, так как они были настолько обычны, что мало кому приходило в голову фиксировать текст комедии.

В статье речь будет идти только о содержании, вопросы поэтики затрагиваться не будут.

Для анализа выбрана сцена лечения Петрушки, потому что это одна из характерных сцен комедии, которые олицетворяют собой понятие «Петрушки», составляют ядро комедии. Достаточно сказать, что из 38 имеющихся в нашем распоряжении записей представлений она содержится в 35.

Сцена лечения отличается большой устойчивостью, однотипностью. Содержание ее коротко сводится к следующему: к Петрушке, которого ударила копытом или сбросила лошадь, приходит доктор. Причем появление его обычно сопровождается комической самохарактеристикой, почти дословно повторяющейся всеми текстами. После этого следует эпизод поисков ушибленного места, так как Петрушка не может толком объяснить, что у него болит, а врач не в состоянии сам определить, что требует лечения. Доктор и пациент взаимно сердятся друг на друга. В конце концов Петрушка колотит доктора, платя ему таким образом за визит или показывая на самом «лекаре-аптекаре», куда ударила лошадь. Изредка сцена усложняется спором о стоимости визита доктора. Конец комедии традиционен: Петрушка либо убивает доктора, либо прогоняет его.

Поняши прототипов этих героев приведут нас к итальянской *commedia dell'arte*. Начиная с XVIII в. в России гастролировало множество иностранных трупп, среди которых видное место занимали и итальянцы — живые актеры и кукольники. Известно, что в 1733 г. приезжала труппа итальянской комедии масок и провела здесь около полутора лет. Кроме

того, часть итальянцев оседала в русских городах, где показывала комедии и обучала русских кукольников своему искусству¹.

Доктор — одно из постоянно действующих лиц *commedia dell'arte* и кукольного театра в Италии, но в качестве врача он предстает перед зрителями лишь в отдельных случаях, чаще всего в одном лице совмещаются доктор, юрист и ученый².

В русском театре этот образ однозначен — мы видим лишь лекаря, отголоском же бывшего родства с итальянской маской ученого остался фактически костюм персонажа, вернее, две детали его: черный цвет одежды и огромные очки. Если в Италии черная мантия отражала действительную, очень существенную деталь костюма ученого, если в России XVII в. подобный наряд героя оправдывался тем, что тогда именно так одевались доктора, то для XIX в. — это просто традиция, ставшая своеобразным символом именно этого персонажа комедии.

Почти все, кто писал о «Петрушке», отмечали, что комедия, в том виде, как мы ее знаем по записям спектаклей XIX в., несет в себе черты иностранные и русские, причем эти черты переплелись настолько тесно, что иногда трудно бывает с достаточной определенностью говорить об источнике той или иной детали, приема и т. п.

Рассмотрим сцену лечения под углом зрения традиций искусства, быта, мировоззрения русского народа, ибо именно такой подход поможет объяснить причину необычайной популярности этой сцены в России.

Прежде всего укажем жанры, в которых образ доктора или мотив лечения встречаются в комической трактовке.

В. Д. Кузьмина писала, что образ шарлатана-лекаря можно обнаружить в сатирических лечебниках XVII в., в лубочных картинках, в интермедиях XVIII в., в народных драмах и в кукольном театре³.

Наиболее близки сцене из «Петрушки» соответствующие эпизоды из народных драм, особенно «Царя Максимилиана», и из вертепа. В них наблюдаются почти дословные текстовые совпадения. Это в первую очередь относится к выходным словам героя. Приведем примеры. В народной драме «Царь Максимилиан» доктор появляется с такими словами:

Здравствуйте, почтеннейшие господа.
Вот и я к вам прибыл сюда.
За кого вы меня принимаете?
За русского или за прусского?
Я не есть русский, я не есть прусский.
Я есть главный доктор Фома,
У меня есть лекарство, пластырь и сулема;
Я искусно лечу.
Из мертвых кровь мечу.
Ко мне приводят здоровых,
А от меня уводят слабых.
Ко мне приводят на ногах,
А от меня увозят на дровнях.
Я зубы дергаю, глаза ковыряю,
На тот свет отправляю.
Нет ли здесь кого полечить, поправить,
Живого к смерти представить⁴.

Пример из вертепного действа.

¹ Д. В. Григорович, Петербургские шарманщики, Полн. собр. соч. в 12 томах, т. 1, СПб., 1896.

² А. К. Джигелегов, Итальянская народная комедия, М., 1962, стр. 112.

³ В. Д. Кузьмина, Русский демократический театр XVIII века, М., 1958.

⁴ Н. Е. Ончуков, Северные народные драмы, СПб., 1911, стр. 23.

Здравствуйте вам, господа!
Знаете ли вы меня?
Я лекарь, главный аптекарь,
Умею лечить,
Кровь мечить,
Корпию вставлять,
Живых людей на тот свет отправлять:
Ко мне ведут на ногах,
А от меня везут на санях.
Не болят ли у вас, господа, у кого зубы? ⁵.

В «Петрушке» это звучит так:

«Я знаменитый доктор, коновал и лекарь, с Кузнецкого моста аптекарь и пекарь. Превосходно лечить умею, по наследству талантом владею отправлять на тот свет поскорее. Если кто ко мне придет на ногах, то того, наверное, повезут домой на санях. Я был в Париже, был ближе, был в Италии, был и далее» ⁶.

или так:

«Я голландский штаб-лекарь, из-под Каменного моста аптекарь и зуболечебный доктор. Настоящие костяные зубы вынимаю, деревянные вставляю, на тот свет живьем людей отправляю. Принимаю на ногах, отправляю на костылях» ⁷.

Центральный эпизод сцены лечения в кукольном театре «Петрушки» — это поиски ушибленного места.

Доктор: «Ну, говори, где болит, покажи!»
Петрушка: Вот тут.
Доктор: Тут?
Петрушка: Пониже.
Доктор: Тут?
Петрушка: Повыше.
Доктор: Тут?
Петрушка: Пониже.
Доктор: То пониже, то повыше!... Встань, встань, да покажи» ⁸.

Это же самое «повыше — пониже» входит в состав некоторых вариантов «Царя Максимилиана» ⁹.

Наконец, совпадают советы доктора, как надо лечить ту или иную болезнь. Сравним приводимый очень часто способ лечения головы.

Из театра «Петрушки»:

«...обрить, оголять и голову снять,
и поленом дров приударить, и кипятком ошпарить:
голова будет здорова» ¹⁰

⁵ Е. Р. Романов, Белорусские тексты вертепного действа. Могилев, 1898, стр. 33.

⁶ «Петрушка. Уличный театр, списанный со слов уличного паяца», М., 1887, стр. 3—4.

⁷ Рук. собр. П. Н. Тиханова, Гос. Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 777, оп. 1, № 188 (далее — П. Н. Тиханов), л. 19об.—20.

⁸ «Петрушка, он же Ванька Рататуй», «Народно-поэтическая сатира», Б-ка поэта, Л., 1960, стр. 256—257.

⁹ Н. Е. Ончуков, Указ. раб., стр. 27.

¹⁰ П. Н. Тиханов, л. 9об.

Из вертепного действа:

«...обрить вам ее догола.
парным молоком привязать
И поленом по голове ударять!
Ваш голов будет здоров» ¹¹.

Из «Царя Максимилиана»:

«Твоя голова — остричь догола,
Череп разбить,
Шерсти набить,—
Твоя голова
Вовеки будет здорова!» ¹².

Как видим, в разбираемой нами сцене имеется много общего в произведениях трех жанров. Однако это не мешает ей подаваться каждый раз по-своему в традициях того произведения, в которое она включена. Так, отличительной чертой «Петрушки» является краткость. Здесь намного короче, чем в народной драме, выходные слова доктора и все реплики героев (ответов и вопросов в форме развернутого сложного предложения почти не встречается), сцена состоит из одного (редко двух) эпизодов вместо четырех — пяти, как например, в «Царе Максимилиане»; действующих лиц в «Петрушке» всего только двое, что роднит это произведение с вертепом и объясняется в обоих случаях тем, что у кукловода две руки, в то время как в театре живого актера одновременно могут играть несколько человек. Все это приводит к тому, что в «Петрушке» по сравнению с народной драмой действие идет более быстрым темпом, эпизоды и действующие лица сменяются чаще. Движению, жесту придается большее (во всяком случае не меньшее) значение, чем слову, что в общем-то и создает специфику кукольного представления.

Стоит обратить внимание на конец сцены. В народной драме и вертепе доктор безнаказанно дурачит своих пациентов и все-таки воспринимается как герой, симпатии зрителей или читателей на его стороне. Совсем иное дело в «Петрушке». Доктор всегда оказывается жертвой: Петрушка колотит или убивает его, причем именно посрамление врача и привлекает публику. В этом смысле комедия ближе к итальянскому прототипу, ибо там тоже судьба доктора всегда предreshена: «...он фатально должен быть одурачен» ¹³. Однако, мне кажется, что по отношению к «Петрушке» надо говорить не столько о сохранившейся итальянской традиции и о признаках заимствования, сколько о внутренней жанровой закономерности. Конец естественен, так как он подчиняется единой установке: Петрушка побеждает всех, с кем ему приходится сталкиваться на протяжении спектакля, и лишь в финале сам подвергается той же участи — черт или собака уносят его в ад. Это особенность сцены: посрамление не профессии, а персонажа — напарника главного героя.

В народной драме, вертепе, лубке и сатирических лечебниках осмеивается скорее сама профессия врача или наивная вера людей в могущество медицины, пародируются способы лечения и рецепты.

И тот и другой подход правомочен, так как рассматриваемый мотив принадлежит к разным жанрам. Не менее важно и то, что возникновение подобных трактовок одинаково возможно, потому что все комические сцены лечения выражают одни и те же взгляды, особую эстетику народного творчества и общие или сходные обычаи, исторические и бытовые черты.

Комедия о Петрушке принадлежала к явлениям «народной площадной комик» (термин Бахтина), а сцена с доктором отражала одну из

¹¹ Е. Р. Романов. Указ. раб., стр. 34.

¹² Н. Е. Ончуков. Указ. раб., стр. 67.

¹³ А. К. Живелегов. Указ. раб., стр. 112.

самых ярких форм ее, входя в круг тех произведений, которые затрагивали мотив перевоплощения. «Моменты смерти и возрождения, смены и обновления,— как доказал М. Бахтин,— всегда были ведущими в праздничном мироощущении»¹⁴. Именно поэтому «фарсовое восприятие врача и борьбы жизни со смертью... характерно» для смеховой культуры большинства народов, а «образ рекламирующего свои средства врача... — один из древнейших образов мировой литературы»¹⁵.

Поскольку русская кукольная комедия — явление довольно позднее, она вобрала в себя, соответственно переработав, ряд игрищ и интермедий¹⁶. Наибольший интерес представляют народные игры, так как это один из самых древних видов народных развлечений, и, как правило, не заимствованный.

Большая часть выходных слов доктора в «Петрушке», народной драме и в вертепе рассказывает о том, как он мертвое делает живым, а живое мертвым («настоящие зубы вынимаю — деревянные вставляю») или больное становится здоровым, а здоровое — больным («здоровые места вырезаю, чирьи, болячки вставляю»; «старых на молодых переделяваю»).

Лубочные картинки, изображающие врача, чаще всего посвящены тому, как «голландский лекарь и добрый аптекарь объявил свои науки, чтобы старухи не были б в старости в скуке. Старых старух молодыми переправляти. А ума их ничем не повреждати»¹⁷.

Сведения о существовании святочной игры в кузнеца, который переделывает старых на молодых, указывают на глубокую древность мотива лечения, омолаживания, на первоначальную связь его с обрядами, предназначенными увеличить плодородие¹⁸. Не случайно в разных местах России зафиксирована игра с двумя самостоятельными моментами: вождением кобылки и фарсовым лечением лошади или хозяина. Приведу описание такой игры, сделанное Добровольским (Смоленская губ.). «В дерюгу человек влезет, на кол голову устроит кобылью, дерюгой ее обтянет, уши ей, голове, сделает соломенные, аброть с паиса возьмет и поведет в хату, разному народу на диво...

— Тпру, тпру, моя кобыла, не пужай народ. Кобыла шутки притворяла, обмахнулась, упала, семь дней пролежала.

— Люди добрые, то ни есть со старых бабурач кобылу вылечить?.. Прошу я вас, чтобы вы мне кобылу вылечили.

Подходит баба, лет семидесяти, стала кобылу лечить: вылечила кобылу очень скоро: в одно ухо дунула, в другое ветер дунул — кобылка встала.

— Уезжай, старик, на своей кобыле: а то у нас нехороший народ, сглазит ее — не встанет кобыла. Он волокет кобылу, старается уволочь поскорей, около него смеются. Взял мужик кобылу за зеленый повод, стал тянуть из хаты вон, ударился об клеть головою — не находится ему доктора. Кобыла подошла, в одно ухо дунула, в другое кровь выскочила. Малец взвился на ноги...»¹⁹.

Совершенно очевидно, что зрителями и исполнителями «Петрушки» в XIX в. связи с древними обрядами не осознавались, и популярность комедии можно объяснить тем, что она полностью отвечала вкусам народа: в пьесе использовались традиционные приемы, создающие комический эффект, спектакли наполнялись актуальным материалом и т. д.

¹⁴ М. Бахтин, Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса, М., 1965, стр. 12.

¹⁵ Там же, стр. 195.

¹⁶ П. Н. Берков, Русская народная драма XVII—XX веков, М., 1953, стр. 18.

¹⁷ «Народно-поэтическая сатира», стр. 281.

¹⁸ В. Я. Пропп, Русские аграрные праздники, 1963, стр. 113—115.

¹⁹ Сб. «Игры народов СССР», сост. В. Н. Всеволодский-Геринграсс и др., М.—Л., 1933, № 170, стр. 70—71.

Так доктор в комедии нередко представлен немцем. Напомним, что в XVII, а в народе и в XIX в. немцами называли не только немцев, но и англичан, шведов, датчан, голландцев. Отождествление доктора с иноземцем и посрамление его в комедии станет более понятным, если мы обратимся к истории возникновения сходных сюжетов в лубочных картинках и лечебниках-пародиях, где шарлатан-лекарь всегда иностранец. В. П. Адрианова-Перетц, изучая лечебники XVII в., в которых рекомендуются иноземцам лекарства, чтобы «немедленно живота избавить», причину такого отношения видела в «задетых иностранцами материальных интересах». «Выросшая на почве торговой конкуренции,— пишет она,— ненависть к иностранцам-купцам, поддержанная идеологами старообрядчества... породила среди некоторой части „лучших“ и „средних“ людей посада националистические настроения, которые отразила сатира — пародия, выражающая крайнюю степень озлобленности против „немцев“, „иноземцев“»²⁰.

Еще одним документом народной сатиры петровского времени на врачей-шарлатанов, рекламировавших разнообразные секреты омоложения, якобы известные им, и на старых женщин, желающих «помолодеть», по мнению П. Н. Беркова, служит одна из лубочных картинок, на которой изображено, как голландский лекарь «превращает старух в молодых»²¹.

В XIX в. традиция представлять доктора непременно иностранцем поддерживалась, с одной стороны, тем, что вообще при болезнях крестьянин был «слишком недоверчив к врачам, особенно иностранцам, но до ослепления склонен искать помощи у своих знахарей и ворожей»²²; с другой стороны, тем, что в крупнейших городах «...почти все аптеки, должности главных докторов в больницах,— по свидетельству Слепцова,— находятся в руках немцев»²³.

Разобрав таким образом одну сцену из комедии о Петрушке, автор пришел к двум основным выводам: 1. Заимствованные явления только тогда становятся признанными и популярными, если они близки мировоззрению и обычаям народа. 2. Подбор основных сцен «Петрушки» далеко не случаен: комическая свадьба (сцена с невестой), лечение, похороны, веселая смерть самого Петрушки — все это сильно переделанные и переосмысленные элементы святочных или масленичных игр, на позднейших ступенях придавшие традиционные особенности народным увеселениям карнавалльно-площадного типа.

²⁰ В. П. Адрианова-Перетц, Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века, М.—Л., 1937, стр. 240.

²¹ П. Н. Берков, Указ. раб., стр. 323.

²² Св. М. Доброзраков, Село Ульяновка Нижегородской губ. Лукояновского уезда, «Этнографический сборник», вып. 1, СПб., 1853, стр. 52.

²³ В. А. Слепцов, Петербургские заметки, Соч. в 2-х томах, т. II, М., 1957, стр. 297.